РУССКАЯ РѢЧЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И НАУКИ.

Мартъ, 1881.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція „Русской Рѣчи“ и Главная Контора журнала:
Прачешный пер., № 5.

1881.

НЕКРОЛОГЪ.

Нынѣшній годъ лишилъ насъ двухъ выдающихся писателей нашихъ, А. Ѳ. Писемскаго и Ѳ. М. Достоевскаго. Но въ то время, какъ смерть перваго изъ нихъ прошла почти незамѣченною въ нашемъ обществѣ, смерть втораго вызвала при его погребеніи такую торжественную овацію, которой еще не видывалъ Петербургъ. Да оно и понятно. Писемскій уже пережилъ свою славу. Лучшія его произведенія «Горькая Судьбина» и «Тысяча Душъ» были написаны давно. Въ послѣдніе годы онъ уже былъ чуждъ нашему времени; онъ не понималъ его и поэтому обратился къ исторіи и написалъ историческій романъ «Масоны», хотя и не лишенный интереса, но во многомъ слабый, невыдержанный, а подчасъ и невѣрный исторически. Наоборотъ, Достоевскій всецѣло принадлежалъ нашему времени. Его талантъ не только не ослабѣвалъ, но крѣпнулъ, распускался могучимъ деревомъ и чутко откликался на разныя злобы дня. Все, что онъ писалъ, онъ не сочинялъ, не выдумывалъ; все это доставалось ему тяжкимъ, мучительнымъ путемъ. Его идеи, его убѣжденія. его взгляды, мнѣнія, отзывы создавались не только въ его умѣ, но шли отъ глубины его сердца. Онъ ихъ выстрадалъ, онъ подвергалъ глубокому анализу ихъ справедливость, и въ чемъ уже убѣдился, то объявлялъ толпѣ смѣло, громко, не боясь ни насмѣшекъ, ни глумленія, ничего, готовый вновь пострадать за нихъ такъ же, какъ, давно, еще въ юные годы, онъ пострадалъ за иныя

свои убѣжденія, за юношескія утопіи и мечты. Вотъ эта-то правдивость, эта глубокая вѣра въ истину своихъ убѣжденій, эта смѣлость говорить всѣмъ и каждому, кто обращался къ нему, только правду и ничего кромѣ правды, и привлекали къ нему массу людей различныхъ взглядовъ и убѣжденій, начиная съ иноковъ и кончая горячими юными головами нашей молодежи, обращавшейся къ нему и по поводу побоища въ Охотномъ ряду въ Москвѣ, и по поводу брошюръ Цитовича, и по множеству другихъ вопросовъ. И его отвѣты всегда удовлетворяли ихъ именно потому, что никогда не льстили имъ, а всегда говорили имъ правду.

Обращаясь къ литературнымъ произведеніямъ покойнаго, мы смѣло можемъ сказать, что, по глубинѣ психологическаго анализа, Достоевскаго можно сравнить только съ Шекспиромъ. Правда, анализъ этотъ менѣе поэтиченъ, менѣе картиненъ и скорѣй напоминаетъ намъ анатома, нежели кисть художника, отчего его произведенія и производятъ такое болѣзненное чувство, какъ будто присутствуешь при анатомированіи трупа; но за то его произведенія такъ могучи, такъ глубоко вѣрны, что къ нимъ постоянно будутъ обращаться многіе даже и въ то время, когда производенія другихъ, современныхъ ему авторитетовъ будутъ представлять исключительно историко-литературный интересъ.

Это была глубоко любящая и въ то же время мятущаяся, вѣчно жаждавшая истины душа. Припомнимъ только его мнѣніе о страданіяхъ дѣтей, высказанное имъ съ такою страстностью въ его «Братьяхъ Карамазовыхъ» и оканчивающееся такими великолѣпными словами: «и если страданія дѣтей пошли на пополненіе той суммы страданій, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранѣе, что вся истина не стоитъ такой цѣны». Вообще вся эта глава (IV. «Бунтъ») и слѣдующая «Великій инквизиторъ» показываетъ намъ, какая страшная борьба происходила въ покойномъ относительно разрѣшенія такъ называемыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ; какъ съ одной стороны его любящая душа хваталась за малѣйшую возможность «вѣрить», въ чемъ она чувствовала свою настоятельнѣйшую потребность, а съ другой стороны, его глубоко инквизиторскій умъ, привыкшій къ безпощадному анализу человѣческихъ слабостей, пороковъ и страстей, не да-

валъ ему покоя въ высшихъ сферахъ философіи и религіи и заставлялъ его, устами его героевъ, безпощадно, путемъ того же анализа, разбивать всѣ илюзіи и выставлять истину въ самомъ безотрадномъ для нея свѣтѣ. Эта двойственность, которая была такъ замѣтна въ Достоевскомъ для всякаго, кому приходилось бесѣдовать съ нимъ по подобнымъ вопросамъ, эта упорная, страстная борьба самого съ собою, и привлекали къ нему всѣхъ, потому что это былъ не идолъ, прорицавшій бездушныя, хотя и громкія фразы, не жрецъ, проповѣдующій въ своемъ капищѣ, не фарисей, а грѣшникъ, мытарь, самъ постоянно борющійся съ самимъ собою, колеблющійся, падающій, снова поднимающійся, глубоко страдающій, *живой* человѣкъ. Къ тому же онъ глубоко, безконечно глубоко любилъ и нашего вѣковѣчнаго страдальца—нашъ народъ; любилъ его такъ, какъ любилъ дѣтей, сознавая, что народъ—тотъ же ребенокъ, то же неразумное, неосмысленное дитя. Его послѣдній «Дневникъ» весь глубоко проникнутъ любовью къ этому народу, страстнымъ желаніемъ дать, наконецъ, возможность высказаться самому народу, оказать довѣріе именно ему, этому великому страстотерпцу русской земли.

Великъ, глубокъ и безконечно разностороненъ былъ этотъ геніальный, такъ рано и несвоевременно угасшій національный и общечеловѣческій умъ; велика, глубока и вся переполнена любви была эта чистая, страдальческая душа;—великъ за то былъ и невиданный у насъ почетъ, который оказало ему общество въ дни его похоронъ. Мы, испытавшіе это глубоко охватывавшее и отрадно возвышавшее чувство, которымъ невольно проникался человѣкъ въ эти траурные дни,—будемъ помнить и слова, высказанныя покойнымъ въ его романѣ «Братья Карамазовы» (т, II, стр. 696): «не забывайте никогда, какъ намъ было разъ здѣсь хорошо, всѣмъ сообща, соединеннымъ такимъ хорошимъ и добрымъ чувствомъ, которое и насъ сдѣлало на это время любви нашей къ нему можетъ быт лучшими, чѣмъ мы есть въ самомъ дѣлѣ».

Издатель и отвѣтственный редакторъ **А. А. Навроцкій.**